

Из первых уст

"Науку делают личности"

Министр науки и высшего образования России Валерий Фальков рассказал в интервью ТАСС, чем новая программа развития университетов будет отличаться от программы "5–100" и как пандемия влияет на реализацию нацпроекта "Наука".

– Вы стали министром в неординарный период и провели эти месяцы в очень активном режиме. Сразу после назначения вы говорили, что министерство требует "тонкой настройки". Какие цели, помимо эффективной работы в ситуации борьбы с коронавирусом, вы ставите своей команде?

– Результаты работы министерства зависят не только от министра, но и от всего коллектива, поэтому на этом этапе одна из важных задач – выстроить слаженную работу подразделений, которые формировались в разное время и по разному принципу.

На сегодняшний день в министерстве сформирован состав на уровне заместителей министра, практически полностью закрыты вакансии по директорам департаментов. Помимо представителей научных и образовательных организаций в Министерство пришли новые люди со свежим взглядом, которые не работали непосредственно в сфере образования. Уверен, что эти меры привнесут новое видение.

– По вашим словам, пандемия коронавируса показала, что системе высшего образования в России не хватает гибкости. О какой именно гибкости вы говорили и как ее можно развить?

– Автономия вузов позволяет системе высшего образования быть более приспособленной к таким нештатным ситуациям, как коронавирус.

В министерстве прекрасно понимают, что универсальных решений, учитывающих специфику регионов и эпидемиологическую ситуацию, быть не может, поэтому изначально университетам было разрешено дополнять рекомендации Минобрнауки локальными решениями. На мой взгляд, такой рекомендательный гибкий подход министерства полностью себя оправдал.

Однако в момент перехода на дистант стало очевидно, что руководство некоторых университетов

боится принимать решения и исходит из принципа "запрещено все, что не разрешено"

В тех университетах, где ректоры и управленческие команды смогли взять на себя ответственность и принимали решения, не дожидаясь окриков из министерства, переход на дистант не вызвал больших проблем. Кто-то перешел на второй день, а где-то сначала взяли паузу.

– Упало ли качество образования из-за перехода на дистант?

– С первых дней пандемии все стали беспокоиться, сохраним ли мы должное качество и доступность образования в новых реалиях. Согласно данным ЮНЕСКО, 191 страна была вынуждена перевести систему образования на другие рельсы. И все столкнулись с большими проблемами. Что касается России, то в отдельных вузах и на отдельных направлениях сложности были, однако в целом наша система успешно справилась. Университеты в масштабах страны смогли организовать обучение в новом формате в беспрецедентно короткие сроки без предварительной подготовки. И, я уверен, сохранили здоровье многих студентов и преподавателей.

– Кстати, по поводу ректоров: вы думаете о смене ректорского состава? Или пока рано говорить на эту тему, по крайней мере до конца пандемии?

– Ротация ректорского состава идет постоянно, но так как предельный возраст пребывания на должности ректора составляет 70 лет, то в ближайшие год-два большая когорта очень уважаемых ректоров достигнет этого возраста. На повестке уже стоит вопрос о лидерстве в этих университетах и о появлении новых людей. Понимая, что эта ротация будет происходить скоро, мы уже обсуждаем возможные кадровые решения.

– Вы упомянули программу "5–100". Как вы оцениваете ее

эффективность? Будет ли она продолжена?

– Программа выполнила свою задачу и в этом году будет завершена. Как правило, университеты – участники программы в целом развивались более динамично, чем остальные российские вузы. Программа помогла улучшить позиционирование российского высшего образования и науки на международном рынке. Вузы "5–100" смогли не только привнести передовые практики в учебный процесс и образовательную деятельность, но и стали на порядок активнее работать с иностранными студентами и зарубежными преподавателями.

Разумеется, были и программы и недостатки. Например, повышенное внимание к наукометрии, которого не будет в новой программе.

– Что придет на смену "5–100"?

– Новая программа, у которой пока что нет общепринятого названия, будет основана на совершенно других принципах. Один из них – сотрудничество и интеграция университетов и научных организаций. В программе будет на порядок больше участников, чем в "5–100", а принять участие в ней сможет любой вуз или институт, способный доказать свою конкурентоспособность, независимо от подведомственности.

Главная цель новой программы – значительно усилить вклад научных и образовательных организаций в развитие страны.

Иными словами, KPI будет основан не столько на наукометрии, сколько на оценке реального вклада в экономический рост, рост благосостояния, создание более комфортной среды в наших регионах и городах

Программа обсуждается внутри министерства и с университетским сообществом. До этого мы по частям презентовали ее университетам и ректорам. Целостное видение планируем представить в самое ближайшее время.

– Каким вы видите развитие вузовской науки? Можно ли говорить, что модель взаимодействия между вузовской наукой и научными институтами, которая охватывается в рамках томского "Большого университета", – рабочая? Можно ли проецировать ее на другие?

– Дискурс о конкуренции между вузовской и академической наукой пора менять: наука едина, и совершенно неправильно делить ее на "огороды".

Никто не спорит, что большая наука исторически в нашей стране живет преимущественно в академических институтах, однако в последнее время вузы значительно укрепились в части науки и показывают очень достойные результаты. В университетах появились современные лаборатории и очень сильные исследовательские коллективы.

Поэтому я думаю, что будущее – не за конкуренцией между образовательными и научными организациями, а за кооперацией

с созданием гибких управленческих структур формата консорциумов при сохранении "суверенитета" всех участников. И это не только пример томского "Большого университета".

Я считаю, что за такими консорциумами будущее российско-го высшего образования и науки. Быть первопроходцем всегда тяжело, однако эффект, который эта кооперация даст для страны в целом, может стать колоссальным, так как гораздо эффективнее конкурировать и внутри страны, и на внешних рынках сообща, чем по отдельности.

Задача Минобрнауки заключается в том, чтобы развить эти интеграционные процессы на принципах открытости и обеспечить постоянное кадровое обновление науки, которой нужен приток "свежей крови".

– Как бы вы сформулировали главные задачи министерства по отношению к академическим институтам?

– Науку делают не структуры, а личности и исследовательские коллективы. Задача министерства, во-первых, состоит в том, чтобы создать максимально комфортные условия для развития потенциала талантливых исследователей и работы больших исследовательских коллективов. Во-вторых, сделать так, чтобы ресурсы шли на те направления и тем коллективам, которые дадут максимальный результат для повышения конкурентоспособности страны сегодня и в перспективе.

Основной принцип министерства – не мешать, а помогать. Снизить административные барьеры и объемы отчетности, чтобы в институтах было больше научного творчества, а не бюрократии и нездоровой конкуренции.

– В нашей беседе нельзя не затронуть нацпроект "Наука". Как пандемия влияет на его реализацию?

– Мы стараемся ускориться по направлениям, которые на момент моего назначения вызвали особые вопросы. Например, строительство синхротрона СКИФ в Новосибирске. Еще в начале февраля СКИФ был "горячей точкой", однако на текущий момент заключен контракт, определен подрядчик и начата работа.

Это, конечно, не говорит, что на пути реализации нацпроектов нет сложностей.

Например, из-за коронавируса пришлось ограничить доступ к лабораторному оборудованию, в том числе уникальным научным установкам, до сих пор нет понимания по экспедициям. Ясно, что на научной деятельности скажется и закрытие границ, и отсутствие полноценной научной коммуникации, и невозможность для иностранных исследователей приехать в Россию на постоянные или временные позиции

В текущем положении нужен не алармизм, а трезвая оценка. Министерство – открытая площадка, мы готовы обсуждать с ректорами вузов, руководителями институтов и научными коллективами их опасения по поводу реализации нацпроекта.

– Россия принимает участие в целом ряде крупных научных международных проектов, например, XFEL, FAIR, ITER. Как обстоят дела с этими проектами и в целом с международным сотрудничеством?

– Международное научное сотрудничество с участием России развивается и остается одним из приоритетов. Если говорить о больших проектах в области физики, то они, на мой взгляд, стоят над всей историей с пандемией. Это долгосрочные проекты, поэтому коронавирус оказал на них минимальное влияние.

В образовательном сотрудничестве моя оценка гораздо менее позитивна: из-за закрытия границ российские вузы в следующем году столкнутся с уменьшением числа иностранных студентов. Сейчас очевидно, что нужны другие инструменты работы с иностранными студентами. Речь идет об интернационализации на дому, когда с помощью цифровых технологий можно обучать нынешних студентов и привлекать новых. Конечно, теперь они будут смотреть не только на качество высшего образования в стране, но и на ее способность создать безопасные условия в условиях пандемии.

– Российская академия наук не раз заявляла, что ее участие в проведении научных исследований недостаточно. В недавнем разговоре с президентом РАН вы упомянули идею наблюдательных советов при институтах, в которых РАН может принимать участие. Как на совете вы можете решить эту проблему?

– Наше взаимодействие с РАН строится на основе разумной интеграции и сотрудничества. Мы приветствуем любые предложения, которые сделают сотрудничество РАН и Минобрнауки более эффективным.

Как это взаимодействие организовать наиболее рациональным и разумным способом? Для этого нам совместно с РАН необходимо понять, какие форматы взаимодействия вообще нужны и каких сегодня не хватает.

Не стоит забывать, что в широком смысле РАН никогда не переставала участвовать в научных исследованиях: академики не только принимают участие в работе академических институтов, но и руководят некоторыми из них.

Создание наблюдательных советов с интеграцией представителей РАН, о чем мы договорились с президентом Академии наук Александром Михайловичем Сергеевым, – это одна из таких системных мер, однако не панацея.

Министерство слышит академическое сообщество и приложит максимум усилий, чтобы дать ему возможность внести максимальный вклад в развитие российской науки.

Официальный сайт
Министерства науки
и высшего образования РФ.

Кстати

По информации Минобрнауки РФ, гранты на обновление приборной базы в рамках федерального проекта "Развитие передовой инфраструктуры для проведения исследований и разработок в Российской Федерации" нацпроекта "Наука" в 2020 году получат 142 ведущие организации, выполняющие научные исследования и разработки. На эти цели будет направлено свыше 9,1 млрд рублей. Приобретение оборудования окажет существенное влияние на разработку новых прорывных технологий, так как позволит ускорить исследования по приоритетным направлениям научно-технологического развития.

Показателями результативности предоставления гранта являются уровень загрузки научного оборудования, доля внешних пользователей, процент обновления приборной базы ведущей организации, а также доля исследований, проводимых под руководством молодых ученых в возрасте до 39 лет, в общем количестве исследований. Реализация программ обновления приборной базы позволит обновить и модернизировать используемое научное оборудование, что будет способствовать привлечению молодых исследователей в науку, расширению научной кооперации, а также откроет новые возможности для взаимодействия науки и бизнеса.